

В. П. Скобелев

УСЛОВИЯ РАССМОТРЕНИЯ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТОВ, ИМЕЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена исследованию условий, предусмотренных ч. 1 ст. 363 ГПК, ч. 1 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». Цель работы заключается в выявлении недостатков в регулировании и реализации указанных условий, а также в выработке рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики его применения. Автор приходит к выводу, что упомянутые условия являются условиями не удовлетворения, а рассмотрения заявлений об установлении юридических фактов. При этом некоторые из условий имеют не вполне удачную редакцию, от других же условий целесообразно отказаться. Не совсем верно урегулированы и последствия нарушения данных условий. В связи с этим предлагается изложить ст. 363 ГПК в новой редакции, а также внести корректировки в ряд постановлений Пленума Верховного Суда. Кроме того,

сделаны предложения относительно порядка применения некоторых процессуальных норм. Имеющиеся в работе выводы, предложения и рекомендации высказаны автором впервые в процессуальной доктрине Республики Беларусь, что обуславливает собой научную новизну работы. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой, правоприменительной, научной и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, особое производство, факты, имеющие юридическое значение, условия рассмотрения дел об установлении юридических фактов, подведомственность, несудебный порядок установления фактов, спор о праве.

Введение.

Гражданская процессуальная форма как наиболее совершенный (по сравнению с деятельностью несудебных органов) правоприменительный механизм предусматривает различный спектр юрисдикционных процедур, рассчитанных в том числе и на те ситуации, когда препятствием для реализации прав и охраняемых законом интересов выступает не наличие конфликта (спора) между участниками общественных отношений, а объективная неподтвержденность самих этих прав и законных интересов, обусловленная сомнительностью существования лежащих в их основе юридических фактов. В подобных случаях использованию подлежит регламент главы 30 ГПК «Особое производство» и, в частности, правила ее § 2 «Особенности рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение».

Согласно данным судебной статистики дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, являются одной из наиболее многочисленных категорий дел, причем в рамках не только особого вида судопроизводства, но и в масштабах гражданского правосудия в целом. Например, в 2012 г. судами было рассмотрено порядка 8 000 таких дел [1, с. 20], в 2015 г. – почти 8 800 [2], в 2017 г. – свыше 6 700 [3]. Вместе с тем несмотря на количество и большое значение этого вида дел, процедура их разрешения имеет определенные недостатки. Представляется, что наиболее существенные из них имеют отношение к нормам, регулирующим условия, при которых суды вправе рассматривать дела § 2 главы 30 ГПК, и последствия несоблюдения данных условий. По этой и некоторым другим причинам сложности с реализацией названных норм испытывает и правоприменительная практика.

Основная часть.

Согласно ч. 1 ст. 362 ГПК дела особого производства рассматриваются судами по правилам искового производства с учетом положений главы 30 ГПК и сущности особого производства. Это значит, что дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, могут рассматриваться судами при наличии всех тех же самых условий, что действуют для исковых дел и в отрицательной форме предусмотрены ст. 245, 246, 248 ГПК (соблюдение правил подведомственности, подсудности, отсутствие решения суда по тождественному делу и т. д.). Вместе с тем ряд условий рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов законодатель посчитал настолько существенными, что специально урегулировал их в § 2 главы 30 ГПК, посвятив этому вопросу отдельную статью (ст. 363 ГПК). Из текста ч. 1 ст. 363 ГПК можно сделать вывод, что таковыми условиями являются: факт порождает юридические последствия, т. е. от него зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав; законодательством не предусмотрен иной (несудебный) порядок установления факта; заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие искомый факт.

Правда, стоит заметить, что со строго юридической точки зрения в ч. 1 ст. 363 ГПК именно как условия рассмотрения соответствующих дел определены лишь последние два обстоятельства (поскольку только они приводятся в тексте нормы после оборота «подлежат рассмотрению судом, если...»), упоминание же о юридическом значении факта составляет элемент самого наименования данной категории дел. Тем не менее мы полагаем, что юридический характер факта целесообразно (с теоретической и особенно практической точки зрения – это будет акцентировать внимание правоприменительных органов на анализе данного обстоятельства) выделять в самостоятельное условие принятия судами к рассмотрению дел § 2 главы 30 ГПК. Прежде всего сделанный нами вывод подтверждает содержание ч. 1 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1 (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 июня 2013 г. № 5) «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» (далее – постановление № 1): несмотря на то, что в первом абзаце ч. 1 п. 1 присутствует указание на полное законодательное наименование исследуемой категории дел – «дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение», далее после фразы «подлежат рассмотрению в суде в порядке особого производства только в том случае, если...» отдельно выделено такое условие, как «а) согласно закону такие факты порождают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение личных либо имущественных прав граждан или юридических лиц)». Кроме того, идентичный подход (но уже на законодательном уровне) реализован и в хозяйственном судопроизводстве при регулировании условий рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов в сфере экономической (хозяйственной) деятельности (см. ст. 232 ХПК). С учетом сказанного представляется, что название и ч. 1 ст. 363 ГПК требуют некоторого уточнения, суть которого будет изложена в заключении к настоящей работе.

Помимо перечисленных нами выше трех условий в ч. 1 п. 1 постановления № 1 приводится еще одно: «б) установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду». С этим нельзя не согласиться, т.к. соблюдение данного условия является очень важным, при том, что его применению сопутствуют (ввиду самой специфики дел § 2 главы 30 ГПК) определенные сложности и нюансы. В то же время здесь нужно сделать и несколько замечаний. Так, из первого абзаца ч. 1 п. 1 постановления № 1 следует, что названное условие Пленум Верховного Суда выводит из содержания ст. 363 ГПК, т.к. это единственная статья ГПК, которую высшая судебная инстанция страны привела в обоснование сделанного ею разъяснения («Обратить внимание судов, что в соответствии с ст. 363 ГПК...»). Между тем это не так: ст. 363 ГПК ничего не говорит о данном условии. Последнее предусмотрено (причем в отрицательной форме и в отношении абсолютно любых дел особого производства) только п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246, ч. 4 ст. 362 ГПК, ссылками на которые потому и следовало бы дополнить первый абзац ч. 1 п. 1 постановления № 1.

Возражения вызывает и сама редакционная формулировка упомянутого условия. Она может привести к ошибочному выводу, будто спор о праве еще только возможен в будущем (возникнет после установления факта). В действительности, однако, спор о праве должен существовать уже на момент рассмотрения судом дела об установлении юридического факта (что четко видно из п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246, ч. 4 ст. 362 ГПК). Наличие в этот момент времени юридического конфликта как раз и есть та причина, которая не позволяет рассматривать дело по

правилам бесспорного вида судопроизводства – особого. Кроме того, употребленная Пленумом Верховного Суда фраза «с последующим разрешением» наводит на мысль, что для применения анализируемого условия нужно присутствие обоснованного предположения о том, что спор непременно будет передан на рассмотрение органа, полномочного его разрешить (т. е. суда). Хотя очевидно, что это совершенно необязательно, возникший спор может так никогда и не стать предметом судебного разбирательства, и тем не менее он будет продолжать препятствовать рассмотрению судом дела в порядке особого производства. В контексте изложенного считаем, что соответствующее условие в ч. 1 п. 1 постановления № 1 необходимо изложить в такой редакции: «б) установление факта не связано с необходимостью разрешения спора о праве, подведомственного суду».

Теперь более подробно проанализируем перечисленные выше четыре условия рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов и определим те последствия, которые должны наступить (применяться судом) при несоблюдении этих условий.

Факт должен иметь юридическое значение. При реализации данного условия судам следует учитывать, что юридическое значение фактов определяется нормативными правовыми актами, которые связывают с этими фактами те или иные правовые последствия. Другими словами, в порядке § 2 главы 30 ГПК установлению судами подлежат юридические факты, поэтому данную категорию дел правомерно называть не только «дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение», но и «дела об установлении юридических фактов» (кстати, в хозяйственном судопроизводстве в отношении аналогичной категории дел оба варианта наименования используются сейчас как равнозначные – см. ст. 43, главу 26 ХПК). Кроме того, нужно иметь в виду, что одно и то же фактическое обстоятельство в сфере одних общественных отношений обладает юридическим значением (обуславливает возникновение, изменение или прекращение правоотношений), а в сфере других – нет. Поэтому задача суда заключается в том, чтобы, верно определив ту сферу общественных отношений, в которой заявитель собирается реализовать свое право (охраняемый законом интерес), затем на основе регулирующих эту сферу нормативных правовых актов выяснить, связывают ли последние с указанным заявителем фактом какие-либо юридические последствия. В целом, решение данной задачи не вызывает у судов больших затруднений, хотя встречаются примеры и противоположного плана.

Так, в период действия нормы Указа Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности», разрешавшей индивидуальным предпринимателям привлекать к осуществлению предпринимательской деятельности только членов семьи и близких родственников (в настоящее время данная норма из Указа № 285 исключена), общие суды отказывали в принятии заявлений об установлении того факта, что лицо является членом семьи индивидуального предпринимателя, мотивируя это отсутствием у факта юридического значения. Между тем правовое значение данного факта было налицо: применительно к обозначенной сфере отношений он выполнял роль как порождающего (обуславливал возможность осуществления предпринимательской деятельности с привлечением члена семьи), так и препятствующего (исключал привлечение к ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность) юридического факта. Не учитывала подобная практика и норму ч. 2 ст. 59 КоБС: «родственники супругов, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в су-

дебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство». Если в принятии заявления об установлении факта вхождения лица в состав членов семьи индивидуального предпринимателя и следовало отказывать, то не по причине отсутствия у факта юридического значения, а в связи с нарушением правил судебной подведомственности: факт порождает юридические последствия в сфере предпринимательской деятельности, а потому в силу положений ст. 43, главы 26 ХПК его установление входило в компетенцию функционировавших на тот момент хозяйственных судов.

С идентичной формулировкой суды отказывали также в принятии заявлений об установлении факта того, что заявитель является членом семьи осужденного лица (установление данного факта было необходимо заявителям, чтобы получать возможность посещения своих близких, отбывавших наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы). Думается, что и в этих случаях суды поступали неверно, отказывая в возбуждении дел. Ведь целый ряд норм Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) (ч. 3 ст. 59, ч. 3 ст. 83, ч. 6 ст. 123, п. 9 ст. 127, п. 4 ч. 2 ст. 174) предусматривает возможность предоставления осужденному свиданий лишь с его близкими родственниками, под которыми примечание к ст. 59 УИК в этой и во всех последующих статьях Кодекса предписывает понимать в том числе членов семьи, не являющихся родственниками осужденного. Вполне может быть, что присутствовавшая в практике судов ошибка была обусловлена именно тем, что они упускали из виду упомянутое примечание и понимали используемый по тексту УИК термин «близкие родственники» в его сугубо буквальном смысле.

Однако наибольшие сложности в контексте анализируемого условия вызывает вопрос о том, каким образом должен поступить суд, если придет к выводу, что факт, об установлении которого просит заявитель, не имеет юридического значения. По нашему мнению, юридический характер факта, равно как и остальные являющиеся предметом нашего анализа обстоятельства, представляют собой условия *не удовлетворения*, а условия *рассмотрения* судом требования заявителя. Подобный вывод следует из содержания ч. 1 ст. 363 ГПК и ч. 1 п. 1 постановления № 1, где говорится, что лишь при наличии перечисленных в данных нормах условий дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, *подлежат рассмотрению* судом (наиболее рельефно это видно на примере такого условия, как «установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду», поскольку его нарушение влечет последствия, предусмотренные п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246, ч. 4 ст. 362 ГПК; правда, в то же время стоит отметить не совсем удачное наименование ст. 363 ГПК – «Условия установления фактов, имеющих юридическое значение, в судебном порядке», оно может создать впечатление, что статья регулирует условия не рассмотрения, а именно удовлетворения заявлений об установлении юридических фактов, в связи с чем наименование ст. 363 ГПК требует корректировки). Думается, что не лишним здесь будет сослаться и на ст. 232 ХПК (она имеет конструкцию, аналогичную ч. 1 п. 1 постановления № 1), где отстаиваемая нами мысль выражена еще более четко: сама статья называется «Подача заявления об установлении юридического факта», а в ее первом абзаце говорится, что «суд... *принимает к своему производству и рассматривает в судебном заседании* заявление об установлении юридического факта при наличии в совокупности следующих условий...».

Таким образом, отсутствие у факта юридического значения исключает возможность рассмотрения судом дела о его установлении, и весь вопрос сводится к тому, на какую норму ГПК суду следует сослаться в сложившейся ситуации. Стоит

заметить, что в ГПК данный момент четко не урегулирован. В частности, последствия, оговоренные в ч. 2 ст. 363 ГПК (при несоблюдении указанных в ч. 1 ст. 363 ГПК условий суд должен отказывать в принятии заявления в соответствии с п. 2 ст. 246 ГПК), применять нельзя, т. к., во-первых, в ч. 1 ст. 363 ГПК юридический характер факта (на что уже обращалось внимание выше) не сформулирован именно как условие рассмотрения дела, во-вторых, норма ч. 2 ст. 363 ГПК (что мы покажем далее) неверна и по существу. Ответ на поставленный вопрос можно найти только в ч. 2 п. 4 постановления № 1 (причем это разъяснение является новеллой, в прежней редакции постановления № 1 его не было): «Если... установление факта, о котором просит заявитель, не порождает для него юридических последствий, судья мотивированным определением отказывает в возбуждении дела (п. 1 ст. 245 ГПК), а если дело уже возбуждено, то производство по нему прекращается определением суда (п. 1 ст. 164 ГПК)».

Как свидетельствует правоприменительная практика, подобным образом суды решали (или, по крайней мере, должны были решать) вопрос и до появления приведенного разъяснения. Например, решением суда Московского района г. Минска Ч. отказано в удовлетворении требования об установлении факта нахождения в фактических брачных отношениях с 1989 г. по 2011 г. с Ш., умершей в 2011 г. Определением судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда решение отменено и дело производством прекращено ввиду его неподведомственности суду, поскольку установление фактических брачных отношений, возникших после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., действующим законодательством не допускается [1, с. 30]. В другом случае решением суда Узденского района был установлен факт принятия наследства У. после смерти родной тети. Однако данный факт не имел юридического значения, т.к. племянница не могла наследовать по праву представления ввиду нахождения в живых ее матери, приходящейся наследодателю родной сестрой. Поэтому районному суду, как считает Верховный Суд, следовало отказать в возбуждении дела, а если дело было возбуждено, то прекратить по нему производство применительно к положениям соответственно п. 1 ст. 245 и п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК [1, с. 25].

В целом разъяснение, закрепленное в ч. 2 п. 4 постановления №1, с точки зрения содержания имеющихся на данный момент в ГПК норм, стоит признать, очевидно, наиболее оптимальным: ведь из всех пунктов ст. 164, 245 ГПК наибольшее отношение к анализируемой ситуации имеет именно тот, на который сослался Пленум Верховного Суда. Вместе с тем в плане дальнейшего совершенствования правового регулирования необходимо иметь в виду, что норма п. 1 ч. 1 ст. 164, п. 1 ст. 245 ГПК в полной мере корреспондирует лишь случаю (почти не встречающемуся в судебной практике), когда заявитель просит установить абсолютно индифферентное с правовой точки зрения обстоятельство, например, исторический, научный и тому подобный факт. Гораздо чаще суды сталкиваются с иной ситуацией – когда факт не играет юридической роли лишь для преследуемой заявителем цели, но в целом (в других сферах общественных отношений) правовое значение может иметь (например, факт родственных отношений безразличен для реализации права дарения, но для осуществления права наследования по закону необходим). В такой ситуации, наверно, неправильно говорить, что дело об установлении факта суду не подведомственно, скорее заявитель просто объективно не имеет (хотя субъективно он может быть убежден в обратном) интереса в установлении судом данного факта, или, другими словами, не имеет интереса к процессу. Чтобы отразить данный момент на законодательном уровне, в § 2 главы 30 ГПК стоит предуд-

смотреть специальную норму о том, что если факт не имеет юридического значения (как вообще, так и только для обозначенной заявителем цели), суд должен отказывать в возбуждении дела, а если дело ошибочно возбуждено, прекращать по нему производство.

Приведенные выше примеры показывают, что при отсутствии у факта юридического значения суды нередко вместо того, чтобы отказать в возбуждении дела (прекратить по нему производство) рассматривают заявленные требования по существу и затем выносят решения об их отклонении. Обычно вышестоящие инстанции исправляют такие ошибки, однако по некоторым категориям дел подобный подход, к сожалению, находит у них одобрение. Так, Верховный Суд положительно оценил практику судов, согласно которой они рассматривают по существу (вынося потом решения об отказе в их удовлетворении) требования об установлении факта получения заработной платы за периоды, в течение которых обязательные страховые взносы в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь не уплачивались [1, с. 21–22]. Более того, в ч. 4 п. 18 постановления № 1 Пленум Верховного Суда прямо разъяснил, что неуплата соответствующих страховых взносов «является основанием для отказа в удовлетворении заявления».

Признать верной приведенную практику, а тем более данное Пленумом Верховного Суда разъяснение очень сложно. Согласно ч. 1 ст. 51 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении» периоды трудовой деятельности засчитываются в стаж работы, только если в течение этих периодов производилась уплата обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь. Отсюда следует, что если за какой-то период трудовой деятельности страховые взносы не уплачивались, то такой период не подлежит включения в стаж работы, а значит, и размер выплачивавшейся в этот период заработной платы никакого юридического значения для целей получения пенсии не имеет. Поэтому при заявлении лицом требования об установлении факта получения заработной платы за указанные периоды (когда обязательные страховые взносы не уплачивались) суду следует не рассматривать дело по существу, а отказывать в возбуждении дела (прекращать по нему производство) в соответствии с п. 1 ст. 245 ГПК (п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК).

Нам могут возразить, что, дескать, никакой разницы нет: вынесет ли суд решение об отказе в удовлетворении требования или откажет в возбуждении дела (прекратит по нему производство), для заявителя конечный результат будет одним и тем же – интересующий его факт установлен судом не будет. На первый взгляд это может так и показаться. В действительности, однако, в пользу отстаиваемого нами подхода говорит ряд очень серьезных аргументов. Во-первых, такой подход обеспечивает соблюдение в гражданском процессе законности, т. к. согласно ч. 1 ст. 363 ГПК, ч. 1 п. 1 постановления № 1 перечисленные в них обстоятельства являются для суда условиями рассмотрения, а не удовлетворения требований заявителя. Во-вторых, исключая необходимость проведения полномасштабного судебного разбирательства, он способствует процессуальной экономии времени, средств и сил как суда, так и заинтересованных в исходе дела лиц. В-третьих, когда суд выносит по делу решение, зафиксированные последним обстоятельства, даже если они невыгодны заявителю, приобретают для него преюдициальное значение в любых последующих процессах, в то время как при завершении (или пресечении) процесса судебным определением таких последствий не наступает, поскольку

ку в отношении определений суда эффект преюдициальности (что вытекает из положений ст. 182, 318 ГПК) не действует. Наконец, в-четвертых, в случае применения судом п. 1 ст. 245, п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК заявителю в соответствии с предписаниями подп. 1.3, 1.5 п. 1 ст. 259 Налогового кодекса Республики Беларусь подлежит возврату (зачету) сумма уплаченной им при обращении в суд государственной пошлины. Вполне может быть, что защищаемый нами подход для судей будет не вполне «удобен»: ведь им придется, в отличие от исковых дел, уже на стадии возбуждения дела вникать в существо вопросов материально-правового характера (оказывающих в данном случае влияние на разрешение процессуальных проблем — саму возможность принятия дела к производству). Тем не менее, в этом заключается одна из самых существенных процессуальных особенностей рассмотрения дел об установлении юридических фактов, игнорировать которую никак нельзя. Поэтому разъяснение, предусмотренное ч. 4 п. 18 постановления № 1, требует корректировки.

В связи со сказанным обращает на себя внимание содержание ч. 2 п. 16 постановления № 1: «Факт приобретательной давности (ст. 235 ГК) в отношении имущества может быть установлен только в случае отсутствия у заявителя правового основания владения этим имуществом (договорных обязательств, закрепления имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления) при условии добросовестного, открытого и непрерывного владения им». Фраза «может быть установлен» наводит на мысль, что в ч. 2 п. 16 постановления № 1 речь идет именно об условиях установления факта, несоблюдение которых влечет вынесение судом решения об отказе в удовлетворении заявленных требований. Данный вывод подтверждает и правоприменительная практика, на основании которой Пленумом Верховного Суда было дано разъяснение в ч. 2 п. 16 постановления № 1: по мнению высшей судебной инстанции страны, если у заявителя есть основания для владения недвижимым имуществом в порядке наследования, то суд должен выносить решение об отказе в удовлетворении требования об установлении факта приобретательной давности в отношении такого недвижимого имущества [1, с. 26]. Более того, в ч. 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» прямо указано, что при разрешении дел об установлении факта приобретательной давности «судам следует иметь в виду, что наличие у заявителя правомочий владения жилым помещением (например, имеет долю в праве собственности на жилое помещение, пользуется им по договору найма) является основанием к отказу в удовлетворении требований об установлении факта приобретательной давности». Однако, по нашему мнению, наличие у заявителя правового основания для владения имуществом говорит о том, что факт приобретательной давности (т. е. факт добросовестного, открытого и непрерывного владения имуществом как своим собственным в течение названных в п. 1 ст. 235 ГК сроков) в такой ситуации не имеет юридического значения, а потому суд должен не рассматривать дело по существу, а отказывать в его возбуждении (прекращать производство по ошибочно возбужденному делу) в соответствии с п. 1 ст. 245 ГПК (п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК).

В контексте анализируемой проблематики несомненный интерес представляет следующий пример из судебной практики. Решением суда Мстиславского района были удовлетворены требования Л. об установлении факта принадлежности наследодателю строительных материалов, вложенных в строительство капитального строения — дома с хозяйственными постройками. При этом заявитель в су-

дебном заседании пояснял, что строительство жилого дома наследодатель осуществлял на самовольно занятом земельном участке и без получения необходимых разрешений на строительство. По мнению Верховного Суда, «суду в данном случае следовало учесть, что вопрос о судьбе самовольных строений решается в соответствии со ст. 223 ГК» [1, с. 24]. Подобное замечание высшей судебной инстанции страны сложно признать удачным и способным сориентировать судебную практику, т. к. оно, во-первых, не объясняет, какое из условий рассмотрения дел об установлении юридических фактов было нарушено, и, во-вторых, не определяет, каким образом на самом деле суду следовало поступить. Позволим себе предположить, что и в описанной ситуации можно говорить об отсутствии у факта юридического значения, в частности для целей реализации наследственных прав (юридического значения факт лишало то обстоятельство, что постройка была произведена на самовольно занятом земельном участке; если бы земельный участок был предоставлен наследодателю в установленном законом порядке, то отсутствие разрешения на строительство по смыслу п. 5 ст. 223 ГК, ч. 2 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» не препятствовало бы рассмотрению судом дела об установлении факта принадлежности наследодателю строительных материалов, т. е. искомый факт сохранял бы свою юридическую роль). А коль скоро это так, то суд не мог рассматривать заявленные требования по существу.

Законодательством не предусмотрен иной (несудебный) порядок установления факта. Данное условие рассмотрения судом дел имеет не совсем удачную формулировку, т. к. исходя из ее буквального смысла получается, что условие подлежит применению всегда, когда юридический факт может (в принципе, вообще) устанавливаться несудебными органами (организациями). Но при таком подходе суды были бы почти лишены возможности рассматривать дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, поскольку для большинства таких фактов предусмотрен несудебный порядок их установления. Например, факт нахождения на иждивении может подтверждаться исполкомами, факт регистрации рождения, усыновления, заключения брака, расторжения брака, смерти, установления материнства и отцовства – органами, регистрирующими акты гражданского состояния, факт принятия наследства и места его открытия – нотариусами, факт несчастного случая – лицами, уполномоченными законодательством на расследование таких случаев и т. д. Думается, однако, что анализируемое условие подразумевает наличие не любого внесудебного порядка установления фактов, а *исключительно внесудебного порядка*, т. е. порядка, исключающего в принципе компетенцию суда по установлению соответствующего факта [4, с. 223].

К сожалению, в судебной практике встречаются случаи неверного (т. е. буквального) толкования названного условия. Так, Верховный Суд указывает, что «в нарушение п. 1 постановления Пленума от 18 марта 1994 г. № 1 отдельные суды устанавливали факт принятия наследства, хотя действующим законодательством предусмотрен внесудебный порядок его установления», и далее в качестве иллюстрации приводит пример, когда решением суда Ленинского района г. Минска был установлен факт принятия наследства Ш. несмотря на наличие в деле копии лицевого счета УП ЖРЭО Ленинского района г. Минска о том, что на момент смерти наследодателя Ш. была зарегистрирована и постоянно проживала с ним в той же самой квартире (из контекста следует, что под внесудебным порядком установления названного факта Верховный Суд понимает установление факта нотариусом

на основании копии лицевого счета) [1, с. 25]. Между тем в действительности здесь следует говорить о нарушении судом первой инстанции совсем другого условия рассмотрения дел об установлении юридических фактов — «заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие искомый факт».

Условие, связанное с наличием исключительно внесудебного порядка установления юридических фактов, предлагалось выделять еще в советской период развития нашего государства, причем сама возможность существования такого несудебного (административного) порядка, исключающего применение судебной формы установления фактов, объяснялась учеными следующим образом: «критерии для решения вопроса об отнесении той или иной категории дел к ведению административных органов следует искать, во-первых, в особой специфике некоторых категорий дел, требующих для разрешения не только обязательного привлечения экспертов, но и специальных знаний для оценки самого экспертного заключения, а во-вторых, в необходимости соблюдения особых форм учета определенных действий и событий. Именно по этим соображениям юридические факты, подтверждающие причины и степень утраты трудоспособности, группу и время наступления инвалидности за прошлое время, устанавливаются в административном порядке. Эти же критерии объясняют, почему факты, связанные с пребыванием граждан в рядах Советской Армии, получением ранений и т. д., устанавливаются органами военного ведомства, а факты, свидетельствующие об окончании учебных заведений, — органами министерств просвещения и министерств высшего и среднего специального образования» [5, с. 179].

Однако с позиций сегодняшнего дня применение названного условия вызывает большие сомнения. Во-первых, на законодательном уровне практически нет норм о том, что возможность установления определенных юридических фактов изъята из компетенции судов и отнесена к ведению сугубо несудебных органов (исключением в этом плане является лишь норма абз. 5 ч. 1 ст. 364 ГПК, прямо запрещающая судам рассматривать дела об установлении факта принадлежности лицу документов, подтверждающих членство в общественных объединениях, воинских документов, паспортов и свидетельств, выдаваемых органами, регистрирующими акты гражданского состояния), хотя с точки зрения гарантированного каждому ст. 60 Конституции Республики Беларусь права на судебную защиту подобные ограничения должны быть четко определены и законодательно зафиксированы. Предписания на этот счет можно найти в основном лишь на уровне разъяснений (в том числе нормативного характера) Верховного Суда, которые, представляя собой результат правоприменительного (причем во многом произвольного, отягощенного еще советскими традициями в понимании этого вопроса) толкования действующего законодательства, делают границу между компетенцией судов и несудебных органов по установлению юридических фактов весьма расплывчатой и неопределенной.

Так, например, в ч. 3 п. 1 постановления № 1 без каких-либо ссылок на нормативные правовые акты, как нечто само собой разумеющееся констатируется, что «не подлежат рассмотрению в суде, в частности, заявления об установлении фактов: прохождения военной службы в Вооруженных Силах; нахождения на фронте; пребывания в партизанском отряде; получения ранения, контузии в ходе военных действий или при исполнении иных обязанностей военной службы; возраста граждан; окончания учебного заведения; признания участником Великой Отечественной войны; участия в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в определен-

ный период и в течение определенного времени», причем фраза «в частности» указывает на то, что это далеко не исчерпывающий перечень исключений из судебной подведомственности, хотя каким образом эти исключения следует выявлять, остается неясным. Аналогично и в ч. 1 п. 11 постановления №1 утверждает-ся, что «суд не вправе рассматривать также заявления об установлении факта принадлежности удостоверения к ордену или медали гражданину, имя, отчество или фамилия которого не совпадают с указанным в удостоверении, поскольку эти вопросы разрешаются органом, выдавшим удостоверение».

В п. 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 14 декабря 1995 г. № 16 «О судебной практике по делам об установлении фактов и периодов нахождения граждан в местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы второй мировой войны» говорится: «Судам следует иметь в виду, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2010 г. № 1132 утверждено Положение о порядке установления фактов и периодов нахождения граждан Республики Беларусь в местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы второй мировой войны. Согласно п. 3 названного Положения факты и периоды нахождения граждан в местах принудительного содержания устанавливаются только комиссиями исполкомов по назначению пенсий на основании заявления гражданина и представленных им документов. Решение комиссии по назначению пенсий об установлении или невозможности установления факта и периода нахождения гражданина в местах принудительного содержания может быть обжаловано гражданином в вышестоящий исполнительный и распорядительный орган или в суд. При рассмотрении жалоб на решение комиссии по назначению пенсий суды должны руководствоваться ст.ст. 353–358 ГПК». Отсюда следует, что Верховный Суд исключает возможность рассмотрения судами в порядке особого производства дел об установлении фактов и периодов нахождения граждан в местах принудительного содержания (об этом свидетельствует и дальнейший текст постановления Пленума, где речь идет о рассмотрении судами только жалоб на решения комиссий по назначению пенсий). Однако подобный вывод не вытекает из содержания того Положения (утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2010 г. № 1132), на которое сослался Пленум Верховного Суда. В этом Положении (в том числе его п. 3) не сказано, что факты и периоды нахождения граждан в местах принудительного содержания могут устанавливаться *исключительно и только лишь* комиссиями по назначению пенсий, равно как нет и выраженного в какой-либо иной форме запрета на установление таких обстоятельств судом в порядке особого производства (если по тем или иным причинам данные обстоятельства не удалось установить с помощью комиссии по назначению пенсий).

В другом случае, уже на примере конкретного дела, Верховный Суд высказал мнение, что решение вопросов в порядке ст. 44 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) относится к исключительной компетенции исполкомов, а потому судам такие дела не подведомственны [6]. Однако высшая судебная инстанция страны не учла, что ст. 44 Кодекса о земле Республики Беларусь (далее – КоЗ) подразумевает решение двух относительно самостоятельных вопросов: 1) установление факта давности владения гражданином земельным участком (документы на который отсутствуют или граница, размер которого не совпадают с указанными в документах) и затем 2) предоставление гражданину этого земельного участка на определенном праве (праве собственности, пожизненного наследуемого

владения или аренды) в размерах, не свыше определенных ст. 36 КоЗ. Решение второго вопроса, в том числе выбор конкретного права, на котором гражданин получит земельный участок, и контроль за соблюдением предписаний ст. 36 КоЗ, действительно, находится в исключительной компетенции исполкомов, т. к. согласно ст. 27–30 КоЗ именно эти органы вправе принимать решения о предоставлении гражданам земельных участков. В то же время решение первого вопроса ни ст. 44 КоЗ, ни какие-либо иные нормы земельного законодательства не относят к прерогативам лишь исполкомов, что и вполне логично: ведь если административный орган не в состоянии подтвердить юридически значимый факт, то установление последнего следует допустить в порядке более совершенной правоприменительной формы – судебной, в том числе по правилам особого производства (если нет спора об административном или гражданском праве).

Подвергает критике Верховный Суд и то, что «отдельные суды не учитывали, что в судебном порядке может устанавливаться факт принадлежности лицу правоустанавливающего документа, а не документов, удостоверяющих личность», приводя в качестве иллюстрации пример, когда «решением суда Кобринского района был ошибочно установлен факт принадлежности А. служебного удостоверения» [1, с. 27]. По сути идентичная позиция отражена и в ч. 2 п. 11 постановления № 1, где Пленум Верховного Суда обосновывает допустимость рассмотрения судами дел об установлении факта принадлежности гражданам различного рода справок и извещений (о ранениях, нахождении в госпитале в связи с ранением и т.д.) именно тем, что «такие документы не относятся к удостоверяющим личность». На этот счет мы бы хотели заметить, что в законодательных актах нет такой общей нормы, которая бы запрещала судам рассматривать дела об установлении факта принадлежности удостоверяющих личность документов (правило абз. 5 ч. 1 ст. 364 ГПК касается частного случая и исключает из компетенции судов лишь дела об установлении факта принадлежности паспорта). Что же касается приведенного Верховным Судом казуса, то, по нашему мнению, служебное удостоверение является разновидностью правоустанавливающего документа (т.е. оно выполняет функцию не только удостоверения личности его обладателя, собственно, как и паспорт тоже, относимость которого к правоустанавливающим документам четко видна из содержания абз. 5 ч. 1 ст. 364 ГПК), а потому никаких препятствий для рассмотрения судом дела об установлении факта принадлежности служебного удостоверения мы не видим, конечно, при том условии, что гражданин не имеет возможности подтвердить этот факт иным образом – путем непосредственного обращения к органу (организации), выдавшему это удостоверение.

Во-вторых, соответствующие несудебные органы при установлении юридических фактов могут руководствоваться в основном только письменными материалами (документами), о чем свидетельствуют, в частности: п. 5.10 главы 5 перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 (факт неправильности записи акта гражданского состояния, являющийся поводом для ее исправления (изменения), должен подтверждаться документами); ч. 2 ст. 44 КоЗ (добросовестность, открытость и непрерывность владения земельным участком подтверждаются сведениями, внесенными в земельно-кадастровую документацию, либо строительным паспортом и (или) паспортом домовладения и (или) документами об уплате земельного налога); п. 3.7 Положения о порядке установления фактов и периодов нахождения граждан Республики Беларусь в местах принудительного содержания,

созданных фашистами и их союзниками в годы Второй мировой войны, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2010 г. № 1132 (факты и периоды нахождения граждан в местах принудительного содержания устанавливаются по документам военного и послевоенного времени, а в исключительных случаях на основании показаний не менее двух свидетелей, отвечающих определенным требованиям); п. 5-10 Положения о порядке установления гражданам, пострадавшим от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, статуса участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, статуса потерпевшего от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, а также выдачи документов, подтверждающих право на льготы, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 сентября 2009 г. № 1170 (факты участия в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, проживания на территориях радиоактивного загрязнения подтверждаются документами); раздел II Положения о порядке представления и оформления документов для назначения пенсий в соответствии с Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении», утвержденного приказом Министерства социальной защиты Республики Беларусь от 23 мая 1997 г. № 44 (обстоятельства, необходимые для назначения пенсии, устанавливаются на основании документов).

При отсутствии или недостаточности нужных документов несудебный орган, конечно же, откажет в установлении искомого факта, причем даже несмотря на то, что в его подтверждение гражданин может представить весьма убедительные доказательства иного (не письменного) рода. Особенно чувствительна в последнее время эта проблема для лиц, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и желающих в связи с этим воспользоваться полагающимися им льготами, в том числе в сфере пенсионного обеспечения. По вполне понятным причинам, обусловленным масштабами и внезапностью катастрофы на ЧАЭС, привлечение человеческих ресурсов для ее ликвидации далеко не всегда оформлялось надлежащим документальным образом. В итоге письменные доказательства факта участия граждан в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС достаточно часто отсутствуют, в связи с чем комиссии по назначению пенсий вынуждены отказывать в установлении данного факта, несмотря на то, что граждане могут подтвердить его другими доказательствами – многочисленными свидетельскими показаниями, фотографиями на фоне аварийного реактора ЧАЭС и т. д. Если исходить из того, что в такой ситуации дело об установлении юридического факта судам (имеющим право принимать во внимание любые доказательства) не подведомственно, то интерес гражданина в реализации связанных с этим фактом правовых последствий окажется полностью незащищенным.

Очевидно, осознавая всю несправедливость подобной ситуации, Пленум Верховного Суда все-таки допустил возможность рассмотрения судами вопроса о существовании таких фактов (т. е. фактов, установление которых находится в исключительном ведении несудебных органов), правда, в порядке не особого, а других видов производств. Как сказано в ч. 2 п. 2 постановления № 1, «несмотря на то, что названные факты устанавливаются в административном и ином порядке, споры об их наличии или отсутствии рассматриваются по существу судом при разрешении жалоб в порядке, предусмотренном ст.ст. 353–358 ГПК, и заявлений в порядке искового производства, когда рассмотрение жалоб связано с разрешением споров о праве». Однако попытавшись решить одну проблему, Пленум Верховного Суда породил другую, не менее серьезную: разрешение рассматривать споры

о наличии юридических фактов по правилам ст. 353–358 ГПК привело к тому, что на практике дела о проверке законности и обоснованности решений несудебных органов превращаются по своей сути в дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, т. е. в дела по установлению данных фактов с помощью доказательств, которые не вправе были принимать несудебные органы [7: 8, с. 35]. В этой связи весьма показательно, что Пленум Верховного Суда в постановлении от 14 декабря 1995 г. № 16 «О судебной практике по делам об установлении фактов и периодов нахождения граждан в местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы второй мировой войны» дела об обжаловании решений комиссий по назначению пенсий называет именно делами об установлении фактов и периодов нахождения граждан в местах принудительного содержания (см. наименование, преамбулу и п. 1, 7 постановления), а также указывает на возможность установления судом данных фактов с помощью любых перечисленных в ст. 178 ГПК доказательств (ч. 1 п. 5 постановления). Аналогичная ситуация сложилась на практике и с делами § 4 главы 29 ГПК: подавая жалобу, заявитель зачастую не столько оспаривает правомерность отказа органа, регистрирующего акты гражданского состояния, внести изменения или исправления в запись акта гражданского состояния, сколько пытается установить факт неправильности этой записи с помощью других (которые нельзя было использовать при административном решении этого вопроса) доказательств [9]. Не случайно поэтому в ч. 3 п. 6 постановления № 1 Пленум Верховного Суда говорит, что по правилам ст. 348–350 ГПК «суд рассматривает заявление об установлении неправильности записи акта гражданского состояния».

Использование для рассмотрения гражданских дел процессуальной формы, не отвечающей их природе (норм главы 29 ГПК вместо правил главы 30 ГПК), вполне закономерно влечет за собой ряд негативных последствий, на которые мы уже обращали внимание [9, с. 62–63]. Так, даже если несудебный орган правомерно отказал гражданину в установлении юридического факта (ввиду отсутствия или недостаточности необходимых письменных материалов) и, основываясь на этом, принял свое решение, поданная против него жалоба все равно может быть удовлетворена (если гражданину удастся в суде подтвердить наличие факта с помощью других доказательств), и тем самым решение суда будет расходиться с действительным положением вещей: оно будет констатировать нарушение несудебным органом его обязанности перед гражданином, хотя никаких нарушений несудебный орган на самом деле не допускал. Удовлетворение жалобы повлечет за собой также возложение на несудебный орган (или в соответствии с ч. 2 ст. 337 ГПК на юридическое лицо, в структуру которого он входит) как на проигравшую сторону процесса всех судебных расходов. Для предотвращения столь невыгодных, а главное, несправедливых последствий несудебный орган будет вынужден не только и даже не столько доказывать законность и обоснованность своих действий (т. е. отсутствие или недостаточность письменных материалов, на основе которых допустимо устанавливать юридический факт в административном порядке), сколько отстаивать в процессе несуществование соответствующего юридического факта вообще, какие бы доказательства в его подтверждение ни представлял обратившийся в суд гражданин, что вряд ли может способствовать выяснению действительных обстоятельств дела, а также достижению иных целей гражданского судопроизводства. Немаловажно обратить внимание и еще на один момент: если гражданин пропустит срок на подачу жалобы (ст. 355 ГПК), он навсегда лишится возможности установить интересующий его факт в суде (разумеется, кроме

случаев, когда с искомым фактом связан спор о праве и факт может быть установлен в ходе искового судопроизводства).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что возможность рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов не должна зависеть от такого условия, как отсутствие исключительно несудебного порядка их подтверждения [9, с. 63; 10, с. 55, 56]. Более того, исключительно несудебного порядка установления фактов и не должно быть, поэтому из действующего законодательства (ч. 1 ст. 363, абз. 5 ч. 1 ст. 364 ГПК, п. 1, 2, 4, 11 постановления № 1 и др.) необходимо исключить все нормы, указывающие на допустимость наличия подобного порядка. Суды должны иметь право рассматривать по правилам § 2 главы 30 ГПК дела об установлении абсолютно любых юридических фактов, в том числе и тех, которые нуждаются в особом учете и соответственно подтверждение которых отнесено прежде всего к ведению специальных несудебных органов, однако полномочия по установлению последнего рода фактов за судами следует признавать только в том случае, если эти факты не смогут установить соответствующие несудебные органы, в частности, по причине отсутствия или недостаточности материалов, которые данные органы вправе принимать во внимание при выяснении вопроса о существовании юридических фактов (весьма показательно, что уже сейчас в судебной практике можно встретить примеры реализации данного подхода, правда, они подвергаются критике как не соответствующие законодательству со стороны Верховного Суда [1, с. 29–30]). Такое разграничение полномочий между судами и несудебными органами будет обеспечиваться за счет применения судами в порядке § 2 главы 30 ГПК условия, имеющего в настоящее время следующую редакцию: «заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие искомый факт». Вместе с тем стоит иметь в виду, что если несудебный орган, несмотря на наличие в его распоряжении всех необходимых материалов, все-таки откажет гражданину в установлении юридического факта, то осуществлять защиту своих интересов гражданину нужно будет не по правилам § 2 главы 30 ГПК, а согласно § 6 главы 29 ГПК (или § 4 главы 29 ГПК, если имел место отказ в установлении факта неправильности записи акта гражданского состояния).

Высказанные нами предложения касаются перспектив совершенствования гражданского процессуального законодательства. В настоящее же время условие рассмотрения дел § 2 главы 30 ГПК, связанное с отсутствием исключительного несудебного порядка подтверждения фактов, должно судами применяться, и потому очень важно выяснить юридические последствия его несоблюдения. Согласно ч. 2 ст. 363 ГПК при нарушении названного условия суд должен отказывать в принятии заявления в соответствии с п. 2 ст. 246 ГПК. Полагаем, что это ошибочная норма. Указанное условие рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов имеет отношение к вопросам подведомственности, значит, при его несоблюдении речь может идти о применении только п. 1 ст. 245 ГПК (или п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК, если дело было ошибочно возбуждено). Такое же разъяснение на этот счет дал и Пленум Верховного Суда в ч. 2 п. 4 постановления № 1 (единственный недостаток разъяснения в том, что в нем дана ссылка на «п. 1 ст. 164 ГПК», в то время как эта статья имеет две части и соответствующий пункт содержится в первой из них).

Заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие искомый факт. С реализацией данного условия связан ряд проблем, в частности, иногда его путают с некоторыми други-

ми условиями рассмотрения судами дел об установлении юридических фактов. Так, в ч. 1 п. 6 постановления № 1 к доказательствам невозможности подтвердить факт родственных отношений иным путем отнесено административное решение органов, регистрирующих акты гражданского состояния, об отказе внести изменения, дополнения и исправления в запись акта гражданского состояния (аналогичная позиция высказана Верховным Судом и в соответствующем обзоре судебной практики [1, с. 27]). Однако наличие указанного административного решения говорит не о соблюдении условия для рассмотрения судом дела по правилам § 2 главы 30 ГПК, а том, что дело должно рассматриваться в совсем другом судебном порядке – согласно § 4 главы 29 ГПК.

Об этом свидетельствует содержание ч. 2 и 3 п. 6 постановления № 1: «Не должно рассматриваться в порядке особого производства заявление об установлении факта родственных отношений в случае, когда такое требование заявляется в связи с ошибками, допущенными при регистрации акта гражданского состояния (не указано отчество родителей, искажены имя или фамилия родителей в записи акта о рождении детей и т. п.), так как исправление ошибок и внесение изменений и дополнений в записи актов гражданского состояния производится органами, регистрирующими акты гражданского состояния. Отказ органа, регистрирующего акты гражданского состояния, в изменении, дополнении и исправлении записи акта гражданского состояния может быть обжалован в суд по месту жительства заявителя. Суд рассматривает заявление об установлении неправильности записи акта гражданского состояния не в порядке установления факта, имеющего юридическое значение, а по правилам ст.ст. 348–350 ГПК» (напомним, что согласно сложившейся практике жалобы в порядке ст. 348–350 ГПК подаются, не только чтобы оспорить неправомерный отказ органа, регистрирующего акты гражданского состояния, но и, значительно чаще, в целях установления факта неправильности записи акта гражданского состояния с помощью иных – которые этим органом объективно не могли приниматься во внимание – доказательств; хотя в последнем случае более правильно было бы подавать заявление об установлении факта неправильности записи акта гражданского состояния [9, с. 62–63]). Другими словами, отмеченное разъяснение из ч. 1 п. 6 постановления № 1 находится в прямом противоречии с положениями частей второй и третьей этого же пункта.

По нашему мнению, требовать установления факта родственных отношений в порядке § 2 главы 30 ГПК можно только в том случае, когда регистрация актов гражданского состояния, на основании которых определяются родственные отношения лиц, никогда не производилась. Если же регистрация была осуществлена и запись акта гражданского состояния имеется, но она ошибочна, то заинтересованному лицу следует добиваться исправления данной записи: сначала путем обращения в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, а при отказе последнего – посредством заявления в суд требования о признании в соответствии с § 4 главы 29 ГПК отказа органа неправомерным (когда несмотря на наличие всех необходимых документов он отказался исправить запись) или (что, однако, будет весьма проблематично ввиду отмеченных выше тенденций в судебной практике) требования об установлении согласно § 2 главы 30 ГПК факта неправильности записи акта гражданского состояния (когда документы, необходимые для исправления записи органом, отсутствуют или их недостаточно).

Далее, не совсем удачной является сама формулировка анализируемого условия. В нем речь идет о еще только предстоящей возможности получения (восстановления) заявителем подтверждающих факт документов. Однако в реальной жизни

заявители нередко уже на момент обращения в суд обладают такими документами. Например, имея справку гаражного кооператива о том, что гараж был возведен наследодателем, членом этого кооператива, за личные средства и до 8 мая 2003 г. (такая справка является доказательством принадлежности гаража умершему на праве собственности), наследники тем не менее обращаются в суды с требованием об установлении факта принадлежности наследодателю строительных материалов, из которых возведен гараж [1, с. 24]; при наличии копии лицевого счета ЖРЭО, из которой видно, что на момент смерти наследодателя наследник был зарегистрирован и проживал с ним в той же самой квартире (такой документ подтверждает фактическое вступление во владение наследственным имуществом), наследники все же просят суды установить факт принятия наследства [1, с. 25]. На такие ситуации указанное условие в силу своей буквальной редакции не рассчитано, поэтому, очевидно, и судебная практика путается в вопросе, как в таких ситуациях правильно поступать: в отношении первого из приведенных примеров Верховный Суд указал на необходимость применения п. 1 ст. 245 ГПК (п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК), «поскольку названная справка является самостоятельным и достаточным подтверждением права собственности умершего на гараж, а также основанием для выдачи нотариусом свидетельства о праве на наследство» [1, с. 24] (хотя согласно ч. 2 ст. 363 ГПК нарушение исследуемого условия должно было бы влечь использование п. 2 ст. 246 ГПК), во втором же примере Верховный Суд усмотрел нарушение такого условия, как действующим законодательством предусмотрен внесудебный порядок установления факта [1, с. 25].

Из формулировки рассматриваемого условия вытекает также, что иная возможность подтверждения искомого факта предполагает непереносное документирование последнего. Однако это происходит далеко не всегда. Например, установление органом, выдавшим правоустанавливающий документ, факта принадлежности этого документа определенному лицу (имя, отчество или фамилия которого были обозначены в документе неверно), влечет выдачу нового (исправленного) правоустанавливающего документа, а не документа об установлении указанного факта. Точно так установление регистрирующей организацией (с участием всех заинтересованных лиц) факта ошибки нетехнического характера в документах Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним влечет замену последних, а не изготовление документа о наличии самой ошибки. Все сказанное выше говорит о необходимости приведения анализируемого условия к следующей редакции: «заявитель не имеет другой возможности подтвердить (установить) юридически значимый факт» [4, с. 223].

Выше мы уже подробно обосновывали, что несоблюдение перечисленных в ч. 1 ст. 363 ГПК, ч. 1 п. 1 постановления № 1 условий (а значит, и условия, исследуемого нами сейчас) исключает возможность рассмотрения судом дела об установлении юридического факта по существу. Вместе с тем в практике имеют место случаи, когда при наличии у заявителя возможности получить сведения о заработной плате по месту прежней работы суды рассматривают по существу требования об установлении факта получения заработной платы в определенном размере и выносят решение об отказе в их удовлетворении [1, с. 21]. Более того, применительно к конкретным делам Верховный Суд высказал мнение, что введение индивидуального (персонифицированного) учета в систему государственного социального страхования не исключает разрешения по существу требований об установлении факта получения заработной платы в определенном размере и за период, когда данный учет уже действовал, это «является правильным и способствует реа-

лизации прав граждан на судебную защиту» [1, с. 21–22], причем данная позиция нашла закрепление в ч. 3 п. 18 постановления №1: «Заявители не лишены возможности обращения с заявлением в суд об установлении такого факта и после 1 января 2003 г., в связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования».

Согласиться с позицией Верховного Суда очень сложно. В ч. 9 ст. 57 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. №1596-XII «О пенсионном обеспечении» четко сказано, что размер заработка за периоды работы после 1 января 2003 г. определяется на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета. В этой связи возникает вопрос: для чего допускать рассмотрение судом дела об установлении факта получения заработной платы в определенном размере за период после 1 января 2003 г.? Лишь для того, чтобы суд своим решением просто продублировал сведения, имеющиеся в системе индивидуального (персонифицированного) учета? Но такой подход ведет лишь к ненужным затратам времени, сил, средств как суда, так и заинтересованных лиц, и ни о каком «способствовании реализации прав граждан на судебную защиту» здесь говорить не приходится. Можно, конечно, предположить, что Верховный Суд имел в виду следующую мысль: суды вправе устанавливать факт получения заработной платы в большем размере, чем это следует из системы индивидуального (персонифицированного) учета. Но такой подход означал бы санкцию на доказывание «заработной платы в конвертах», которая, однако, по нашему мнению, никакого значения для целей начисления пенсии иметь не может. Поэтому разъяснение в ч. 3 п. 18 постановления № 1 необходимо заменить на противоположное ему по содержанию.

Из ч. 2 ст. 363 ГПК следует, что нарушение рассматриваемого условия должно влечь отказ в возбуждении дела по п. 2 ст. 246 ГПК, т.е. в связи с несоблюдением установленного для данной категории дел порядка предварительного внесудебного разрешения дела. Оправданность применения в этом случае п. 2 ст. 246 ГПК вызывает сомнения. Во-первых, о наличии досудебного порядка можно говорить только в том случае, когда вопросы, разрешаемые несудебным органом и судом, полностью тождественны [11, с. 24]. Однако в нашем случае такого тождества нет: несудебные органы занимаются подтверждением лишь бесспорных юридических фактов, т.е. фактов, которые вполне очевидны с точки зрения компетенции и эвристических возможностей этих органов. Суды же рассматривают дела об установлении только спорных (неочевидных) юридических фактов. Во-вторых, законодатель не квалифицирует деятельность несудебных органов по установлению юридически значимых обстоятельств как некую именно досудебную (предварительную) процедуру, решение этих вопросов составляет ординарную (обычную) компетенцию несудебных органов. Так, когда нотариус выясняет факт принятия наследства наследником, компетентные должностные лица – факт несчастного случая, орган, регистрирующий акты гражданского состояния, – возможность выдачи дубликата свидетельства ранее зарегистрированного акта, во всех этих случаях несудебным органом (лицом) выполняется деятельность, входящая в круг его обычных (регулярных) обязанностей и вне какого-либо контекста потенциального обращения заинтересованного лица в суд. Таким образом, отсутствие у заявителя другой (несудебной) возможности подтвердить (установить) юридический факт – это критерий не соблюдения внесудебного порядка разрешения дела, а критерий приобретения фактом свойства спорности, которая (спорность) свидетельствует о допустимости и необходимости установления факта судом [4, с. 224]. Полагаем,

что последствия несоблюдения данного условия должны регулироваться специальной нормой в §2 главы 30 ГПК (т.к. ни один из пунктов ст. 164, 165, 245, 246 ГПК к этой ситуации не подходит).

Установление факта не связано с необходимостью разрешения спора о праве, подведомственного суду. Применительно к данному условию нужно обратить внимание на разъяснение, содержащееся в ч. 1 п. 6 постановления № 1: «Если требования об установлении факта родственных отношений заявлены с целью подтверждения в дальнейшем права заявителя на жилую площадь, то установление такого факта возможно лишь в порядке искового производства» (как видно из контекста – потому что установление факта связано со спором о праве). Кроме того, из обзора судебной практики следует, что Верховный Суд и суды областного уровня считают невозможным (ввиду спора о праве) установление в порядке особого производства вообще любых юридических фактов в области жилищных отношений [1, с. 29]. Вряд ли такую позицию можно признать верной. Нельзя априори и однозначно утверждать, что установлению юридических фактов в определенной области правоотношений (в частности, жилищных) всегда и непременно сопутствует спор о праве. Имеется такой спор или нет – нужно тщательно выяснять в каждом конкретном случае, не делая из этого правила никаких исключений.

Обратимся к конкретным примерам. Так, решением суда Городокского района был установлен факт того, что К. не проживала с 1 ноября 2007 г. по 1 мая 2011 г. вместе со своими родителями, не вела с ними общего хозяйства, не являлась членом их семьи (установление данного факта требовалось К. для получения льготного кредита). Президиум Витебского областного суда решение суда отменил и оставил заявление без рассмотрения в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 165 ГПК. Верховный Суд посчитал это правильным, «поскольку установление факта, который связывается с правом заявителя на признание нуждающимся в улучшении жилищных условий и на получение льготного банковского кредита для строительства жилья, не подлежит рассмотрению в порядке особого производства» [1, с. 29]. Однако, по нашему мнению, никакого спора о праве (по крайней из опубликованной фактулы казуса) здесь не усматривается, связь же факта с правом на признание нуждающимся в улучшении жилищных условий и на получение льготного банковского кредита для строительства жилья сама по себе еще не есть показатель того, что это право является спорным или станет таковым в будущем. Наличие спора зависит не от отраслевой принадлежности материального права, а от отношения к этому праву (его реализации) остальных заинтересованных в исходе дела лиц (исполкома, банковской организации и т. д.), в целях выяснения чего суд и обязан привлекать их всех к участию в процессе. В другом случае суд Советского района г. Гомеля установил факт проживания супругов С. в общежитии с 26 ноября 2001 г. по 12 апреля 2005 г., поскольку этот факт был необходим для включения семьи в списки на внеочередное получение льготного кредита на строительство жилья. Верховный Суд поставил районному суду в укор кроме всего прочего то, что он не выяснил, «не связано ли установление такого факта со спором о праве, подведомственном суду» [1, с. 29]. Вместе с тем, думается, здесь можно привести все те же самые возражения, что были сделаны нами по поводу предыдущего казуса.

Последствия несоблюдения анализируемого условия урегулированы п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246, ч. 4 ст. 362 ГПК. Тем не менее содержание данных норм не является оптимальным: они рассчитаны лишь на наличие спора о гражданско-правовом праве (когда заявителю вместо особого производства следовало бы обращаться в порядке искового) и упускают из виду случаи существования спора об адми-

нистративном праве (когда заявителю вместо особого производства стоит подавать жалобу согласно главе 29 ГПК). Ситуации последнего рода в судебной практике не редкость, возможность их возникновения признана даже Пленумом Верховного Суда. Так, в ч. 2, 3 п. 6 постановления №1 сказано, что не должно рассматриваться в порядке особого производства заявление об установлении факта родственных отношений в случае, когда такое требование заявляется в связи с ошибками, допущенными при регистрации акта гражданского состояния, т.к. исправление ошибок и внесение изменений и дополнений в записи актов гражданского состояния производятся органами, регистрирующими акты гражданского состояния; отказ этого органа в изменении, дополнении и исправлении записи акта гражданского состояния может быть обжалован в суд по правилам ст. 348-350 ГПК. Положение ч. 1 п. 12 постановления № 1 гласит: «Заявление об установлении факта принятия наследства и места открытия наследства (ч. 1 ст. 364 ГПК) может быть рассмотрено судом в порядке особого производства, если нотариус или другие уполномоченные лица не вправе выдать заявителю свидетельство о праве на наследство по мотиву отсутствия или недостаточности соответствующих документов, необходимых для подтверждения в нотариальном порядке факта вступления во владение или управление наследственным имуществом. Если надлежащие документы представлены, но в выдаче свидетельства о праве на наследство отказано, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд не с заявлением об установлении факта принятия наследства и места открытия наследства, а с жалобой на отказ в совершении нотариального действия (ст.ст. 351, 352 ГПК)».

Правда, нельзя не заметить, что Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в то же время не разъяснил, как следует поступать, если описанная им ситуация (подача заявления вместо жалобы) все-таки произойдет (попутно заметим, что не дал Верховный Суд никаких конкретных рекомендаций на этот счет и в соответствующем обзоре судебной практики, где примеры таких ситуаций им были приведены [1, с. 28, 30]). В подобных случаях суды иногда используют норму п. 1 ч. 1 ст. 164 (п. 1 ст. 245) ГПК [8, с. 32–33], однако, на наш взгляд, здесь более правильно *по аналогии* применять п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246 ГПК. В перспективе же содержание п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246 ГПК целесообразно привести к следующей редакции: «заявление подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке». Это позволит не только решить обозначенную проблему, но и урегулировать последствия других очень сходных ситуаций – когда заявителем допущена ошибка в выборе между видами производства или между процедурами в рамках вида гражданского судопроизводства [12, с. 92–95].

В заключение отметим, что суды не вправе отказывать в рассмотрении дел согласно § 2 главы 30 ГПК по основаниям, не предусмотренным законом. Тем не менее попытки в этом направлении встречаются. Например, по мнению Верховного Суда, судами «не всегда учитывалось то обстоятельство, что установление фактов родственных отношений между умершими лицами не производится. При рассмотрении дел возможно установление факта родственных отношений между заявителем и его умершим родственником» [1, с. 27]. Однако на чем базируется такой подход и какое условие рассмотрения дел об установлении юридических фактов здесь нарушается, остается абсолютно неясным. Несколькими более конкретно Верховный Суд высказался применительно к другой, весьма сходной, ситуации: «По изученным делам суды устанавливали факт принадлежности правоустанавливающего документа умершему лицу... Между тем установление факта принадлежности правоустанавливающего документа умершему лицу в порядке осо-

бого производства не производится. Данный вопрос входит в предмет доказывания и может быть установлен судом при рассмотрении спора о наследстве в порядке искового производства» [1, с. 27]. Очевидно, причину невозможности установления указанных фактов в особом производстве Верховный Суд усматривает в связи дела со спором о праве. По этому поводу мы лишь сошлемся на тезис, который уже озвучивался выше: нельзя заранее и абстрактно в отношении какого-то дела об установлении юридического факта утверждать, что оно всегда будет связано со спором о праве. Что же касается приведенных Верховным Судом случаев, то вероятность отсутствия там спора о праве отнюдь не исключена хотя бы потому, что наследник может быть всего только один. Но даже если их и несколько, препятствием для реализации наследственных прав может являться не наличие между ними спора о наследстве, а невозможность подтвердить перед нотариусом указанные факты, что, собственно, и обуславливает потребность обращения к суду в порядке § 2 главы 30 ГПК.

Заключение.

Проведенное исследование показывает, что названные в ч. 1 ст. 363 ГПК, ч. 1 п. 1 постановления № 1 обстоятельства являются условиями не удовлетворения, а рассмотрения заявлений об установлении юридических фактов. При этом некоторые из условий имеют не вполне удачную редакцию, от других же целесообразно отказаться. Не совсем верно урегулированы и последствия нарушения данных условий. В связи с этим предлагается изложить ст. 363 ГПК в новой редакции:

«Статья 363. Условия рассмотрения дел об установлении фактов в судебном порядке

«Дела об установлении фактов подлежат рассмотрению судами при наличии следующих условий: факт имеет юридическое значение и заявитель не имеет другой возможности подтвердить (установить) факт.

При несоблюдении указанных условий суд отказывает в возбуждении дела, а если дело возбуждено, прекращает по нему производство».

Правило новой редакции ч. 2 ст. 363 ГПК будет является специальным и дополнителным к ст. 164, 245 ГПК, поэтому при наличии предусмотренных им оснований судам нужно будет ссылаться непосредственно на ч. 2 ст. 363 ГПК.

Часть 1 ст. 364 ГПК следует дополнить новым абзацем «неправильности записи акта гражданского состояния», а также исключить из ее пятого абзаца слова «(за исключением документов, подтверждающих членство в общественных объединениях, воинских документов, паспортов и свидетельств, выдаваемых органами, регистрирующими акты гражданского состояния)».

Правило п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246 ГПК необходимо изложить в новой редакции: «заявление подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке».

Законодательная реализация высказанных предложений потребует приведения в соответствие с ними текста постановления № 1, а также постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 14 декабря 1995 г. № 16 «О судебной практике по делам об установлении фактов и периодов нахождения граждан в местах принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы Второй мировой войны».

Помимо этого в постановление № 1 необходимо внести следующие коррективы:

- дополнить первый абзац ч. 1 п. 1 ссылками на п. 10 ч. 1 ст. 165, п. 8 ст. 246, ч. 4 ст. 362 ГПК;

- условие, названное в п. б) ч. 1 п. 1, изложить в новой редакции: «установление факта не связано с необходимостью разрешения спора о праве, подведомственного суду»;

- из второго предложения ч. 1 п. 6 исключить слова «административное решение этих органов об отказе во внесении изменений, дополнений и исправлений в запись акта гражданского состояния», а третье предложение ч. 1 п. 6 исключить целиком;

- изложить в новой редакции ч. 2 п. 16:

«Дело об установлении факта приобретательной давности (ст. 235 ГК) в отношении имущества может быть рассмотрено судом по существу только в случае отсутствия у заявителя правового основания для владения этим имуществом (договорных обязательств, закрепления имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления)»;

- изложить в новой редакции п. 3, 4:

«Заявители лишены возможности обращения в суд с заявлением об установлении такого факта за периоды после 1 января 2003 г. в связи со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования».

Неуплата обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь свидетельствует об отсутствии у факта юридического значения и исключает возможность рассмотрения судом дела по существу».

Второе предложение ч. 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» нужно изложить в новой редакции:

«Судам следует иметь в виду, что наличие у заявителя правомочий владения жилым помещением (например, имеет долю в праве собственности на жилое помещение, пользуется им по договору найма) исключает возможность рассмотрения судом требования об установлении факта приобретательной давности».

Список литературы

1. Практика рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2013. – № 3. – С. 20–30.

2. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2015 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/dd571ef90f1746d3.html. – Дата доступа: 27.08.2018.

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2017 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/1ff8518d6c6fb4dfe.html. – Дата доступа: 27.08.2018.

4. Скобелев, В. П. Условия рассмотрения в особом производстве дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение / В. П. Скобелев // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 дек. 2017 г. ; Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – М. : Изд-во Рос. акад. адвокатуры и нотариата, 2017. – С. 222–224.

5. Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. / А. А. Мельников [и др.] ; редкол.: А. А. Мельников (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1981. – Т. 2 : Судопроизводство по гражданским делам. – 512 с.

6. Признание права на земельный участок по основаниям длительного добросовестного, открытого и непрерывного владения им относится к компетенции соответствующего исполнительного и распорядительного органа, решение которого может быть обжаловано в суд [извлеч. из постановления президиума Минск. обл. суда] // Судовы веснік. – 2017. – № 2. – С. 45–46.

7. Факт выполнения работ в зоне отчуждения проверяется при рассмотрении жалобы гражданина на решение межведомственной комиссии, созданной при Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, об отказе в установлении статуса участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС [извлечение из постановления президиума Гомель. обл. суда] // Судовы веснік. – 2010. – № 3. – С. 47–48.

8. Кеник, К. Практика рассмотрения судами споров, связанных с применением пенсионного законодательства / К. Кеник // Судовы веснік. – 2012. – № 3. – С. 31–38.

9. Скобелев, В. П. Правовая природа дел по жалобам на отказ органов ЗАГС внести исправления или изменения в записи актов гражданского состояния / В. П. Скобелев // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 60–63.

10. Скобелев, В. П. Об основаниях к отказу в возбуждении гражданских дел неисковых производств / В. П. Скобелев // Право.by. – 2017. – № 1. – С. 50–57.

11. Скобелев, В. П. Некоторые процессуальные аспекты рассмотрения дел о прекращении правовой охраны товарного знака и знака обслуживания / В. П. Скобелев // Юстиция Беларусі. – 2018. – № 1. – С. 20–27.

12. Скобелев, В. П. Основания к отказу в возбуждении гражданского дела: требуются изменения / В. П. Скобелев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2017. – № 1. – С. 84–96.

CONDITIONS FOR THE CONSIDERATION IN CIVIL PROCEEDINGS OF CASES ON THE ESTABLISHMENT OF FACTS THAT ARE OF LEGAL SIGNIFICANCE

The article is devoted to the research of the conditions stipulated in p.1 of art. 363 CPC, p.1 of it.1 of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus from March 18, 1994 №1 «On judicial practice in cases on the establishment of facts of legal significance». The purpose of the work is to identify shortcomings in the regulation and implementation of these conditions, as well as in developing recommendations for improving legislation and practice of its application. The author comes to the conclusion that these conditions are conditions for not satisfying, but for considering applications for establishing legal facts. At the same time, some of the conditions are not entirely successful, but it is advisable to refuse other conditions. The consequences of violation of these conditions are not entirely correct. In this regard, it is proposed to state art. 363 CPC in the new edition, as well as to make adjustments to a number of decisions of the Plenum of the Supreme Court. In addition, a number of proposals have been made on the procedure for the application of certain procedural rules. The conclusions, proposals and recommendations available in the work were first expressed in the procedural doctrine of the Republic of Belarus, which determines the scientific novelty of the work. The results of the research can be used in lawmaking, law enforcement, scientific and teaching activities.

Keywords: civil legal proceedings, special proceedings, facts having legal significance, conditions for considering cases on establishing legal facts, subordination, non-judicial procedure for establishing facts, dispute about law.

- условие, названное в п. б) ч. 1 п. 1, изложить в новой редакции: «установление факта не связано с необходимостью разрешения спора о праве, подведомственного суду»;

- из второго предложения ч. 1 п. 6 исключить слова «административное решение этих органов об отказе во внесении изменений, дополнений и исправлений в запись акта гражданского состояния», а третье предложение ч. 1 п. 6 исключить целиком;

- изложить в новой редакции ч. 2 п. 16:

«Дело об установлении факта приобретательной давности (ст. 235 ГК) в отношении имущества может быть рассмотрено судом по существу только в случае отсутствия у заявителя правового основания для владения этим имуществом (договорных обязательств, закрепления имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления)»;

- изложить в новой редакции п. 3, 4:

«Заявители лишены возможности обращения в суд с заявлением об установлении такого факта за периоды после 1 января 2003 г. в связи со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования».

Неуплата обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь свидетельствует об отсутствии у факта юридического значения и исключает возможность рассмотрения судом дела по существу».

Второе предложение ч. 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 2 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» нужно изложить в новой редакции:

«Судам следует иметь в виду, что наличие у заявителя правомочий владения жилым помещением (например, имеет долю в праве собственности на жилое помещение, пользуется им по договору найма) исключает возможность рассмотрения судом требования об установлении факта приобретательной давности».

Список литературы

1. Практика рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2013. – № 3. – С. 20–30.
2. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2015 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/dd571ef90f1746d3.html. – Дата доступа: 27.08.2018.
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2017 год [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/1ff8518d6cfb4dfe.html. – Дата доступа: 27.08.2018.
4. Скобелев, В. П. Условия рассмотрения в особом производстве дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение / В. П. Скобелев // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 дек. 2017 г. ; Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – М. : Изд-во Рос. акад. адвокатуры и нотариата, 2017. – С. 222–224.
5. Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. / А. А. Мельников [и др.] ; редкол.: А. А. Мельников (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1981. – Т. 2 : Судопроизводство по гражданским делам. – 512 с.